

**Лариса Миллер**

**Дополнение к сборнику  
"Безымянный день"**

*Стихи, не допущенные к изданию по цензурным соображениям.  
«Дополнение» было напечатано на машинке первичным тиражом  
200 экз. и затем широко распространялось в Самиздате.*

Москва  
Самиздат  
1977

## Содержание

Было всё, что быть могло,  
Какие были виды  
Обобщаем, обобщаем.  
Тлело. Вспыхивало. Гасло.  
Во времена до нашей эры  
Жить не тяжело дурочке  
Земля бела. И купола  
Поверить бы. Икону  
А вместо благодати – намек на благодать,  
Мне земных деяний суть  
Почему не уходишь, когда отпускают на волю?  
Господи, не дай мне жить, взирая вчуже,  
Что ж. Пой и радуйся дарам  
Откуда знать, важны ли нам  
Вне уз, вне пределов, вне времени, вне  
Диаспора. Рассеянье.  
И я испытывала страх,  
Неужто этим дням, широким и высоким,  
Шито белыми нитками наше житьё.  
Порою мнится, будто все знакомо,  
В ясный полдень и в полночь, во тьме, наяву  
Все уходит. Лишь усталость  
Я вхожу в это озеро, воды колыша,  
Пойдем же под птичий неистовый гам  
Безымянные дни. Безымянные годы.  
Станет темою сонатной

\* \* \*

Было всё, что быть могло,  
И во что нельзя поверить.  
И какой же мерой мерить  
Истину, добро и зло.

Кто бесстрашен – взаперти,  
Кто на воле – страхом болен,  
Хоть, казалось бы, и волен  
Выбирать свои пути.

Свод бездонен голубой,  
Но черны земли провалы,  
Кратковременны привалы  
Меж бездонностью любой.

Чёрных дыр не залатать.  
Всяко было. Всё возможно.  
Может, завтра в путь острожный  
Пыль дорожную глотать.

Мой сынок, родная плоть,  
Черенок, пустивший корни  
Рядом с этой бездной чёрной,  
Да хранит тебя Господь

От загула палачей,  
От пинков и душегубки,  
От кровавой мясорубки  
Жути газовых печей.

Ты прости меня, прости,  
Что тебя на свет явила.  
И какая может сила  
В смутный час тебя спасти.

Эти мысли душу жгут,  
Точно одурь, сон мой тяжкий.  
А в твоём – цветут ромашки.  
Пусть же век они цветут.

1974

\* \* \*

Не поймешь то ли дождь, то ли снег,  
Так и жить в этой хмари блуждая  
И не ведая долог ли век,  
Далеко ли до самого края.

Что за дело туман или дым  
Свет нам застит в ненастную осень,  
Коль и впрямь мы у края стоим  
И над пропастью ногу заносим.  
*1964*

\* \* \*

Какие были виды  
В садах Семирамиды!  
Какие пирамиды  
Умел воздвигнуть раб!  
Какой владеем речью!  
Но племя человечье  
Всегда венчало сечей  
Любой земной этап.  
И то, что возвышалось,  
Со страстью разрушалось,  
С землёю кровь мешалась.  
Была бы благодать,  
Когда б с таким усердьем  
Учили милосердью,  
С каким на этой тверди  
Учили убивать,  
Под кличи боевые  
Вставать живым на выю,  
Кромсать тела живые.  
Зачем ранима плоть? –  
Нелепая уступка  
Вселенской мясорубке,  
Которой и не хрупких  
Под силу размолоть.  
*1975*

\* \* \*

Обобщаем, обобщаем.  
Все, что было, упрощаем.  
Хладнокровно освещаем  
Века прошлого грехи.

И события тасуя,  
Имена тревожим все.  
Нам история рисует  
Только общие штрихи. –

– Суть, причина, вывод, веха.  
А подробности – помеха.  
Из глубин доносит эхо  
Только самый звучный слог.

Лишь любитель близорукий  
Том старинный взявши в руки,  
Отголоски давней муки  
Обнаружит между строк.

А детали, оговорки,  
Подоплека и задворки,  
Потайная жизнь подкорки –  
Роскошь нынешних времен,

Принадлежность дней текущих,  
Привилегия живущих,  
Принадлежность крест несущих  
Ныне страждущих племен.

Это нам, покуда живы,  
Смаковать пути извивы  
И оттенки нашей нивы.  
А потомки, взявши труд

Оценить эпоху в целом,  
Век, где мы душой и телом,  
Черной ямой иль пробелом  
Может статья, назовут.

1975

\* \* \*

Тлело. Вспыхивало. Гасло.  
Подливали снова масло.  
Полыхало пламя вновь.  
Полыхают в душах властно  
Гнев и вера, и любовь.  
На просторах ветры дуют,  
Тут погасят, там раздуют,  
Дуют, пламя теребя.  
И живут сердца, враждуя,  
Негодуя и любя.  
Боже правый, сколько пыла  
Израсходовано было  
И во благо и во зло.  
И давно зола остыла,  
Ветром пепел унесло,  
Время скрыло в домовину,  
И о том уж нет помину.  
Но не дремлют Бог и бес.  
Снова свет сошелся клином.  
Снова пламя до небес.

1975

\* \* \*

*Феликсу Розинеру*

Во времена до нашей эры  
Всё делали, не зная меры,  
Как пили, пели, пировали,  
Слагали гимны о Ваале!

В каком цветистом бурном стиле  
Любили, и клялись, и мстили!  
А нынче, как дела не плохи,  
Почти бесшумны наши вздохи,

Почти бесстрастны наши лица,  
Когда нам впору удавиться!  
А может, лучше, предкам вторя,  
Рвать на себе одежды в горе,

А может, станут легче муки,  
Коли страдать, ломая руки,  
И пеплом посыпать власы,  
Дожив до мрачной полосы.

1969

\* \* \*

Жить не тяжело дурочке  
Собирает чурочки  
В беспорядке пряди  
Тишина во взгляде,  
Собирает чурочки  
Для своей печурочки.  
Погоди, послушай  
Твой очаг разрушен.  
Погляди, блаженная,  
На останки бранные –  
Лишь поёт негромко,  
Вороша обломки.

1976

\* \* \*

### ЗАКЛИНАНИЕ

Земля бела. И купола  
Белы под белыми снегами.  
Что может приключиться с нами? –  
Чисты и мысли и дела  
В том мире, где досталось жить,  
Который назван белым светом,  
Где меж запорошенных веток  
Струится солнечная нить;  
Где с первых дней во все века  
Дела свершаются бескровно  
И годы протекают ровно,  
И длань судьбы всегда легка,  
Как хлопья, что с небес летят  
На землю, где под кровлей снежной  
Мать держит на ладонях нежных  
На свет рождённое дитя,  
На белый свет, не знавший вех,  
Подобных бойне и распятью,  
Резне и смуте. Где зачатъе  
Единственный и светлый грех.  
1975

\*\*\*

А кругом туман густой,  
Ни домов и ни созвездий,  
На невидимом разъезде  
Дребезжит трамвай пустой.

И ни неба, и ни дна,  
Ни конца и ни продленья,  
Предстоит ночное бденье  
Под луной, что не видна.

Просветлеет ли к шести?  
Или же, бывает всяко,  
И не выбраться из мрака,  
И пути не обрести?  
1966

\* \* \*

*Арсению Тарковскому*

Поверить бы. Икону  
Повесить бы в дому,  
Чтобы внимала стону  
И вздоху моему.  
И чтобы издалёка  
В любое время дня  
Всевидящее око  
Глядело на меня.  
И в завтра, что удачу  
Несёт или беду,  
Идти бы мне незрячей  
У Бога на виду.

1967

\* \* \*

А вместо благодати – намек на благодать,  
На все, чем вряд ли смертный способен обладать.  
О, скольких за собою увлек еще до нас  
Тот лик неразличимый, тот еле слышный глас,  
Тот тихий, бестелесный мятежных душ ловец.  
Куда, незримый пастырь, ведешь своих овец?  
В какие горы, доли, в какую даль и высь?  
Явись хоть на мгновенье, откликнись, отзовись.  
Но голос твой невнятен. Влеки же нас, влеки.  
Хоть знаю – и над бездной ты не подашь руки.  
Хоть знаю – только этот почти неслышный глас –  
Единственная радость, какая есть у нас.

1976

\* \* \*

Мне земных деяний суть  
Кто-то мудрый толковал,  
Но расслышать что-нибудь  
Мир гудящий не давал.  
И когда слетали с губ  
Драгоценные слова  
Завывали сотни труб  
Скрежетали жернова.  
Я ждала: наступят дни  
Тишины. Но в тишине  
Только шорохи одни  
Оказались внятны мне.  
*1976*

\* \* \*

Почему не уходишь, когда отпускают на волю?  
Почему не летишь, коли отперты все ворота?  
Почему не идешь по холмам и по чистому полю,  
И с горы, что пологая, и на гору, ту, что крута?  
Почему не летишь? Пахнет ветром и мятой свобода.  
Позолочен лучами небесного купола край.  
Время воли пришло, время вольности, время исхода.  
И любую тропу из лежащих у ног выбирай.  
Отчего же ты медлишь, дверною щеколдой играя,  
Отчего же ты гладишь постылый настенный узор,  
И совсем не глядишь на сиянье небесного края,  
На привольные дали, на цепи неведомых гор?  
*1972*

\* \* \*

Господи, не дай мне жить, взирая вчуже,  
Как чужие листья чуждым ветром кружит;  
Господи, оставь мне весны мои, зимы –  
– Все, что мною с детства познано и зримо;  
– Зори и закаты, звуки те, что слышу;  
Не влечи меня ты под чужую крышу;  
Не лиши возможности из родимых окон  
Наблюдать за облаком на небе далеком.

*1973*

\* \* \*

Что ж. Пой и радуйся дарам  
Своей долины плодородной.  
Да только жизнь осталась там,  
Где был ты тварью инородной.  
Да только жизнь осталась там  
Среди шатров и пыльных скиний,  
Где выпадал по временам  
Небесной манны сладкий иней,  
Где пепла горсть, где близких прах,  
Где нет ни молока, ни мёда –  
В навек покинутых краях,  
На горестных путях исхода.

*1972*

\* \* \*

Откуда знать, важны ли нам  
Для жизни и для равновесья  
Родные стены по утрам,  
Родные звуки в поднебесье,  
Родная сень над головой.  
А, может, под любую сенью  
Быть можно и самим собой,  
И чьей-нибудь безвольной тенью.  
А, может, близ родной души  
Любые веси – дом родимый.  
Но, чтоб ответить – сокруши  
Очаг, столь бережно хранимый,  
Свой прежний дом покинь совсем,  
Сойди с дороги, той, что вьется,  
Стерпи, что завтра будет нем  
Тот, кто сегодня отзовется,  
И перейди в предел иной  
С иным укладом и разором,  
Где чуждо все, что за спиной,  
И чуждо все, что перед взором.  
*1973*

\* \* \*

### СОН

Вне уз, вне пределов, вне времени, вне  
Привычного. Чуждые тени в окне.  
Чужие шаги в переулке горбатым,  
В порту, на молу, освещенном закатом,  
Невидящий взгляд незнакомых очей,  
Неведомый смысл гортанных речей,  
Чужое веселье, чужое молчанье  
И вот густо-черных немое качанье,  
И чуждые запахи тины и йода...  
Свобода – с тоской повторяю – свобода.  
*1974*

\* \* \*

Дiasпора. Рассеянье.  
Чужого ветра веянье.  
На чуждой тверди трещина.  
Чьим богом нам завещано  
Своими делать нуждами  
Дела народа чуждого  
И жить у человечества  
В гостях, забыв отечество?  
Мне речки эти сонные  
Роднее, чем исконные.  
И коль живу обидами,  
То не земли Давидовой.  
Ростовские. Тулонские.  
Мы толпы Вавилонские,  
Чужие, многоликие,  
Давно разноязыкие.  
И нет конца кружению.  
И лишь уничтожение  
Сводило нас в единую  
Полоску дыма длинную.  
Но вечно ветра веянье  
И всех дымов рассеянье.  
*1976*

\* \* \*

И я испытывала страх,  
Живя, как на семи ветрах,  
Не находя себе опоры  
Среди всеобщего разора.  
И я искала утешенья  
В ежесекундном мельтешеньи,  
Средь шумных орд, на тропах торных,  
В делах и планах иллюзорных.  
Ни света не нашла, ни блага.  
Нашла, что воля, и отвага,  
И утешенье – в нас самих.  
Безумен мир окрест иль тих –  
Лишь в нас самих покой и сила.  
Чума какая б ни косила,  
Мы до известного предела  
Сберечь способны дух и тело,  
Распорядясь судьбой земной.  
...А вдруг всё вздор, и голос звонок  
Лишь оттого, что ты со мной  
И не хворает наш ребёнок?  
1971

\* \* \*

Неужто этим дням, широким и высоким,  
Нужны моих стихов беспомощные строки –  
Миражные труды невидимых подёнок?  
Спасение моё – живая плоть, ребёнок.  
Дитя моё – моих сумятиц оправданье.  
Осмысленно ночей и дней чередованье;  
Прозрачны суть и цель деяния и шага  
С тех пор, как жизнь моя – труды тебе на благо.  
Благодарю тебя. Дозволил мне, мятежной  
Быть матерью твоей, докучливой и нежной.  
1975

\* \* \*

Шито белыми нитками наше житьё.  
Посмотри же на странное это шитьё.  
Белой ниткой прошиты ночные часы.  
Белый иней на контурах вместо росы.  
Очевидно и явно стремление жить  
Не рывками, а плавно, не дёргая нить.  
Шито всё на живульку. И вечно живу,  
Опасаясь, что жизнь разойдётся по шву.  
Пусть в дальнейшем упадок, разор и распад.  
Но сегодня тишайший густой снегопад.  
Белоснежные нитки прошли простор  
В драгоценной попытке отсрочить разор,  
Всё земное зашить, залатать и спасти,  
Неземное с земным воедино свести.  
1976

\* \* \*

Порою мнится, будто все знакомо,  
Весь дольний мир на фоне окоема  
Давно изведен и обжит вполне.  
Но вот однажды музыка иная,  
Невесть откуда еле долетая,  
Вдруг зазвучит, напоминая мне  
О том, что скрыт за видимой личиной  
Прекрасный лик, пока неразличимый –  
– (Как хочешь это чудо нареки),  
А все, что осязаемо и зримо,  
Миражной сна, неуловимей дыма,  
Подвижней утекающей реки.  
Напомнит мне, растерянной и слабой,  
Что высь бесплотна и бездонны хляби,  
Которых и желаю и страшусь,  
И прошепчу я: «Господи помилуй,  
Как с этим жить мне, брэнной и бескрылой,  
И как мне жить, коль этого лишусь?»  
1972

\* \* \*

В ясный полдень и в полночь, во тьме, наяву  
От родных берегов в неизвестность плыву,  
В неизвестность плыву от родного крыльца,  
От родных голосов, от родного лица.  
В неизвестность лечу, хоть лететь не хочу,  
И плотней к твоему прижимаюсь плечу.

Но лечу. Но иду. Что ни взмах, что ни шаг –  
То невиданный свет, то невиданный мрак,  
То невиданный взлёт, то невиданный крах.  
Мне бы медленных дней на родных берегах,  
На привычных кругах. Но с утра до утра,  
Заставляя идти, дуют в спину ветра.  
Сколько раз ещё свет поменяется с тьмой,  
Чтобы гнать меня прочь от себя от самой.  
Умоляю, на спаде последнего дня  
Перед шагом последним оклики меня.  
*1974*

\* \* \*

Все уходит. Лишь усталость  
Не ушла. Со мной осталась.  
Стали в тягость встречи, сборы,  
Расставанья, разговоры,  
Страдный день и вечер праздный,  
Свет и сумрак непролазный,  
В тягость шорох за стеной,  
В тягость крылья за спиной.  
*1972*

\* \* \*

Я вхожу в это озеро, воды колыша,  
И колышется в озере старая крыша,  
И колышется дым, что над крышей струится,  
И колышутся в памяти взоры и лица.  
И плывут в моей памяти взоры и лики,  
Как плывут в этом озере светлые блики.  
Все покойно и мирно. И – вольному воля –  
Разбредайтесь по свету. У всех своя доля.  
Разбредайтесь по свету. Кочуйте. Живите.  
Не нужны никакие обеты и нити.  
Пусть уйдете, что канете. Глухо, без срока.  
Все, что дорого, – в памяти. Прочно. Глубоко.  
*1971*

\* \* \*

Пойдем же под птичий неистовый гам  
По синим кругам, по зеленым кругам.  
Под шорох листвы и дождя воркотню  
С любимым из мгновений тебя породню.  
Лишь из дому выйди со мной на заре,  
Рукой проведи по намокшей коре,  
Росою умойся – ты узнан, ты свой.  
И путь твой покорною устлан травой.  
Легко ли нам будет? Легко ль, не легко,  
Но эта дорога ведет далеко.  
Туда, где горят и сгорают дотла  
И травы, и крона, что ныне светла,  
И дальше, сквозь область костров и золы,  
Туда, где снега, как забвенья, белы;  
И дальше, туда, где, срываясь с кругов,  
Над областью мороси, трав и снегов  
Свободные души взлетают, чтоб впредь  
И вечное слышать, и вечное зреть.  
*1975*

\* \* \*

Безымянные дни. Безымянные годы.  
Безымянная твердь. Безымянные воды.  
Бесконечно иду и холмом, и долиной  
По единой земле, по земле неделимой,  
Где ни дат, ни эпох, ни черты, ни границы,  
Лишь дыханье на вдох и на выдох дробится.  
*1976*

\* \* \*

Станет темою сонатной  
Этот полдень благодатный,  
Встреч и проводов нюансы  
Превратятся в стансы, стансы,  
И картиною пастозной  
Станет этот плач бесслёзный.  
Но родился ты в сорочке,  
Коль твои штрихи и строчки,  
Краски, паузы и звуки  
Станут вновь тоской и мукой,  
Небом, талою водою,  
Светом, счастьем и бедою.  
*1976*